

Спектакль «Непрощенная» в постановке Евгения Гомоного создан по мотивам романа Альберта Лиханова, посвященного «малолетним узникам фашистских концлагерей — погибшим и живым — тем, кто, не сумев противиться силе, одолел испытания, вынес невероятное и остался Человеком». Спектакль живо и точно звучит в реалиях нынешнего тревожного времени

СМЫСЛОВЫЕ КОДЫ

текст **Ольга ИСУПОВА**

Так, например, чтение юной главной героиней Алёнушкой (Екатерина Боярова) родителям стихотворения «Бородино» Лермонтова в сущности является вставным эпизодом и становится одним из ключей к спектаклю, содержащих острый эмоциональный посыл сопротивления наступающему врагу.

Такова и сцена на земляных работах, когда одна из согнанных фашистами для рытья окопов женщин, Клава (Лена Кегелева), начинает мыться из корыта водой, предназначенной для стирки вражеской одежды. Дерзко нарушая правила, заражая своей дерзостью и других, Клава пререкается с полицаем, поет антигитлеровские частушки. И позже, оказавшись в концлагере,

Сцена из спектакля «Непрощенная».

Алёнушка — Екатерина Боярова,

Вилли — Александр Rogozin. Фото Кирилла Ботаева

она продолжает сопротивляться, поборов ненавистную капо — надсмотрщицу в бараке. Когда лагерное начальство предлагает место побежденной занять победительнице, та отказывается. В этом поступке-выборе — настоящая сила духа, потому что за свой отказ Клава рискует быть отправленной в печь.

Другим смысловым кодом спектакля является образ учительницы Софьи Марковны в трепетном,

эмоционально насыщенном исполнении Марии Сазоновой. Для Алёнушки общение с учительницей означает открытие духовной жизни через интеллигентность, любовь к знаниям, культуре, которые Софья Марковна передает своей ученице.

Страшная сцена казни Софьи Марковны, повешенной за то, что она еврейка, лишают духовной опоры Алёнушку. Фашисты заставляют ее написать на лбу приговоренной «Jude» (еврей), и девушка-подросток делает это. Так в спектакль входит тема столкновения человека с внешней разрушающей смертоносной силой. Как люди это выдерживают, какими становятся в результате?

Этот мотив звучит в микроисториях других персонажей, образы которых, как перевертыши, способны быстро меняться от силы к слабости и наоборот. Такова пара «близнецов» — антиподов: капо прежняя (Анна Кушнир) и капо новая (Татьяна Гуртякова). Прежняя капо, только что властно и злобно оравшая на подчиненных, превращается в жалкое существо, униженно лобызавшее сапоги начальства. Новая капо, еще недавно бесправная заключенная, мгновенно преображается в придирчивую надзирательницу.

Прежде строгая и непререкаемая школьная начальница Ольга Петровна (Елена Зотова), вещающая, как с трибуны, о том, что должно быть так, а не иначе, после прихода врага становится тихой и сломленной. Через образ Ольги Петровны транслируется и тема неоднозначности жизни-выживания человека в тяжелых обстоятельствах войны.

Неоднозначна и позиция Клавды. Сама сопротивляясь нечеловеческим условиям, она советует Алёнушке ответить согласием на предложение охранника в концлагере Вилли «стать его». Возможно, потому что уже больна и понимает свою обреченность. А у Алёнушки может появиться шанс выжить. Мать девушки, брошенная вместе с другими женщинами в лагерь, к тому времени умирает, и выбор остается за духовно неокрепшей Алёнушкой.

Как символ «решения, которого не было» (ведь героиня до последнего говорит «я не хочу») падает на пол надкушенное зеленое яблоко, которым Вилли угощает Алёнушку.

Важнейшая сцена спектакля — «после грехопадения». Построенная на контрастах, она интересно и психологически точно представлена Александром Рогозиным и Екатериной Бояровой. Вилли счастлив и расслаблен, Алёнушка напряжена и нервно сжата в комок. Он хочет разговаривать с ней, узнавать русские слова, она отвечает сухо, отрывисто. Он признается в любви, она — в ненависти. В заключение сцены он, радостный, убегает, повторяя: «Ненавижу!», уверенный, что по-русски это означает «люблю».

Также на контрасте сделана сцена офицерской вечеринки. Друзья из круга Вилли после «трудового дня» разгульно веселятся: выпивка, вульгарное переодевание мужчины в женщину-стриптизершу. В такой обстановке Алёнушка невольно тянется к Вилли, и он старается оградить ее от происходящего. А в это время на заднем плане зритель видит горящие топки крематория.

Влюбленный Вилли оформляет брак с Алёнушкой и отправляет молодую жену в дом родителей. Там ее ждет острое противостояние с его обитателями: четкой Штерн и бывшей невестой Вилли Йоханной (Татьяна Данильченко). Решая образ Йоханны, режиссер прибегает к приему гиперболизации: бывшая невеста

от ревности входит в раж и гоняет хлыстом по кругу беременную Алёнушку.

Отец Вилли (Евгений Бакуменко), холодный и отстраненный, обозначает границы общения тем, что они «вынуждены принять решение сына». Психологически более сложен образ матери Вилли в экспрессивном исполнении Галины Зориной. Он построен на переходах от светской любезности к открытой ненависти, что связано с драмой матери, потерявшей сына (Вилли вскоре после отъезда Алёнушки погибает).

Все немцы на сцене эстетически и психологически раздроблены, нецельны. Отсюда и легкая смена личин. Один из самых запоминающихся среди таких образов — доктор (Антон Кирков). Русский эмигрант, «носитель культуры», превратившийся в опустошенного циника, он добровольно работает в концлагере, оправдывая себя тем, что это временно, что он только зарабатывает деньги на открытие частной практики. При такой логике отправка ослабленных узников в печь рассматривается им чуть ли не как акт гуманизма.

В отличие от этой группы персонажей образы родителей Алёнушки (Елена Адушева, Эдуард Тимошенко), насыщенные теплыми актерскими красками, транслируют художественно-психологические мотивы цельности, семейного единения, доброты, радости жизни. Естественного желания жить.

Эстетически спектакль решен на контрасте цвета, фактуры. В одежде и атрибутах односельчан и родителей Алёнушки преобладают светлые тона, у фашистов и семьи Вилли — черные, в сцене со стриптизом — ядовито-розовые. Бывшая невеста Вилли одета в кожу, мать — в бархат. Русские — в холстину.

Звуковой образ «Непрощенной» содержит элементы «драмы крика». Веселые клики совсем юной Алёнушки, катающейся на гигантских шарах, переходят в пронзительный крик боли и ужаса юной девушки, в судьбу которой входит война. Через крики матери Вилли и его бывшей невесты Йоханны проявляются их позиции протеста и неприятия Алёнушки (сразу после рождения ребенка ее депортируют).

Интересна работа с деталями, выстраивающими сценический образ и придающими ему выразительность и психологическую конкретность. Так, Ольга Петровна с возмущением говорит о курении учениц, а сама держит в руках портсигар. Надзирающий за работами русский полицай (Сергей Рассахань) на просьбу женщин дать воды отвечает, что не положено, а сам незаметно передает им фляжку.

Достаточно объемный роман Лиханова в процессе адаптации к сцене, конечно, претерпел изменения. Режиссерское видение высветило не всех персонажей, а часть из них приобрела новое прочтение и новый текст. Но, к сожалению, иногда в новом тексте встречаются такие неточности, которые снижают уровень доверия к действию, разрушая ментальный контакт с залом. Например, доктор говорит о КПСС, ядовито интерпретируя эту аббревиатуру. Между тем, на момент происходящих событий партия носила название ВКП(б), а переименована в КПСС была только в 1952 году.

Но, в конце концов, погрешности устранимы. Главное — поставлены вопросы. Выжить — или как выжить? Что под силу беззащитному человеку? Какова цена компромисса? Что такое предательство? И еще многие другие, которые задают себе зрители. ■